

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ

Ольфакторное поле (запахи) является сложным объектом для исследования т.к. ольфакторный опыт в большинстве языков мира описывается при помощи различных стилистических средств (сравнений, метонимий, метафор и т.д.), что осложняет процесс перевода не только лингвистическими, но и культурными затруднениями. В данной статье сопоставляются примеры переводов ольфакторного кода с их оригиналами для поиска приемов, закономерностей и затруднений.

Ключевые слова: переводческие затруднения; язык и культура; ольфакторный опыт; запах.

The olfactory field (smells) is a difficult object to study, because in most languages of the world it is characterized using various stylistic means (comparisons, metonymies, metaphors, etc.), which complicates translation not only with linguistic but also cultural difficulties. This article compares examples of translations of the olfactory code with their originals to search for techniques, patterns and difficulties.

Key words: translation difficulties; language and culture; olfactory experience; smell.

Существует множество теоретических подходов к понятию перевода, из-за чего критерии хорошего перевода часто размываются [1; 2]. Есть мнение, что «Перевод – не копия оригинального текста; он не является, не должен претендовать на то, чтобы являться тем же произведением, но с иной лексикой» [3], поскольку он является совсем иным произведением. В контексте приведённого мнения перевод представляется не итоговым текстом, а путем к нему. Здесь же рождается идея возможности множества вариаций переводов одного и того же текста.

Большинство исследователей придерживается менее радикальной позиции, соглашаясь лишь с тем, что любой перевод не является абсолютной копией текста оригинала, поскольку невозможно полностью преодолеть языковые, культурные и другие особенности. Однако это не отменяет стремления к наиболее полному воспроизведению оригинала. У. Эко при этом замечает, что другой язык способен открывать и наделять текст оригинала смыслами, которые тексту идут только на пользу [4].

Сегодня в рамках функционально-коммуникативного подхода под удачным переводом понимается такой перевод, который по своим прагматическим функциям максимально приближен к оригиналу [4].

Ольфакторная лексика (запахи) в данном случае представляют особый интерес для переводческих затруднений, поскольку перцептивный ольфакторный опыт чрезвычайно субъективен и высоко эмоционален, что является причиной сложности его передачи как внутри одного языка, так и между носителями разных языков. Более того, из-за различных личностных особенностей, бытовых и культурных привычек отношение к различным запахам в разных культурах исторически закрепилось неоднородное [5], поэтому при переводе ольфакторного опыта не последнюю роль играет культурный аспект. То есть переводчику необходимо разработать методы смысловой конвертации не только на языковом, но и на культурном уровнях.

Относительно лексических единиц переводческие затруднения можно разделить на несколько групп:

1. Лексические единицы, перевод которых не затрудняет понимание, т.к. реципиент переводного текста знаком с понятием (запах розы, запах дыма и т.д.).

2. Лексические единицы, указывающие на ольфакторный опыт, которым читатель не обладает, но по отдельным ассоциациям может «допредставить» (запах земли в банановых рощах, запах паленой плоти).

3. Ольфакторные лакуны, лексические единицы представляющие ольфакторный опыт незнакомый для культуры реципиента (запах калонджи, запах бирияна).

4. Метафорические обороты, значение которых сложно представить (запах грома, пахнуть солью и солнцем и т.д.).

В рамках данной работы на материале национального корпуса русского языка [6] и произведения Ч. Б. Дивакаруни «Принцесса специй» были рассмотрены примеры перевода ольфакторной лексики в русском и английском языках. Отметим, что исследование проведено на примерах относящихся к третьей и четвертой группам, поскольку в первых двух не возникает сложностей при переводе.

При работе с ольфакторными лакунами предполагается, что переводчик столкнется с проблемой передачи ольфакторного опыта, т.е. появляется проблема: переводить, делая описание максимально понятным для читателей, либо же оставить неясность.

(1) *Their aroma like the long curling notes of the shehnai, like the madol that speeds up the blood with its wild beat.* [7] 'Их аромат – как длинные протяжные звуки шехнай, как неистовые ритмы мадолы'. [8].

В данном случае, пользуясь приемом отстранения, переводчик оставил экзотические названия: «шехнай» (либо шахнай) – индийский музыкальный инструмент из семейства гобоя; и «мадал» (или маадал) – непальский народный музыкальный инструмент. Но при переводе опущено, что шехнай является церемониальным инструментом. То есть аромат носит сильный, интенсивный, даже праздничный характер.

(2) *They are serving their men biriyani fragrant with ghee, cool bowls of raita, patra seasoned with fenugreek.* [7] 'Они подают на стол своим мужчинам бирияни, с ароматом топленого масла'. [8]

В данном случае «бирияни» (или бирьяни) – второе блюдо из риса и специй, с добавлением мяса, рыбы и т.д. Едва ли человек, не пробовавший это блюдо, поймет его вкус. Однако, из описания отдельных ингредиентов читатель может хотя бы отдаленно представить, что это такое, в то время как «бирьяни» не несет абсолютно никакой ассоциации. Тем не менее, мы видим, что переводчик жертвует пониманием, приобретая стилистический налет экзотичности и неизведанности.

(3) *whose mouths smell of my fenugreek, my elach, my peen paraag.* [7] 'чьи рты пахнут моей шамбалой, царицей приправ'. [8]

«Fenugreek» имеет перевод «пажитник сенной», однако, чтобы не нарушать принцип отстраненности, переводчик заменяет его на «шамбалу», а вот культурно нагруженные сложные для перевода «my elach, my peen paraag» за счет лексико-семантической замены преобразует в «царицу приправ».

Чаще всего ольфакторную лексику, с которой читатель мог не встречаться в жизни, т.е. не иметь перцептивного опыта, но слышать название или иметь смутные представления, переводят дословно:

(4) *smelling the aroma from the opened tin of spiced and marinated mackerel.* 'Из открытой банки исходил пряный аромат маринованной макрели'. (Ernest Hemingway. *The Garden of Eden* (1946–1961) | Эрнест Хемингуэй. Райский сад (Г. Веснина, 2019)).

Не обязательно пробовать маринованную макрель, достаточно знать, что это вид рыбы. Причем автор не избегает конкретизации, чтобы не лишиться текст изящности.

(5) *The air fills with the clean, astringent fragrance of til seeds.* [7] 'Воздух полон чистого, вяжущего аромата кунжутных семян'. [8]

(6) *I smell it plain, the sandalwood dust in his palm.* [7] 'пока не начинаю явственно ощущать запах порошка сандалового дерева на его ладони'. [8]

Перевод некоторых метафоричных выражений, не имеющих прямого отношения к благоухающему объекту, сильно зависит от эмоциональной коннотации. Важно понимать, что не во всех культурах значение будет одинаково.

(7) *It gives off the smell of thunder.* [7] ‘От него исходит запах грома’. [8]

В данном примере переводчик использует дословный перевод, поскольку у обеих культур гром ассоциируется с надвигающейся опасностью или проблемами, что также видно из контекста.

(8) *Smelling of garlic pickle and too-large lunches.* [7] ‘от него пахнет чесночным рассолом и затянувшимся обедом’. [8]

В данном случае сложно понять, с какой коннотацией выступает «запах затянувшегося обеда». Если учесть, что в русской культуре запах чеснока, исходящий от человека, носит скорее отрицательную коннотацию, то «затянувшийся обед» тоже приобретет негативный налет.

С другой стороны, интерес представляют метафорические выражения, которые обусловлены скорее не культурным аспектом, а авторским:

(9) *Fear rises from her, shimmering, like heat from cracked summer pavement.* [7] ‘От нее повеяло страхом, так же явственно, как исходит жар от нагретого летом асфальта’. [8]

(10) *I say, tasting the long wingbeat sound of it in my mouth, smell of hot sky rising and falling, dark wood in evening, bright eye, tailfeather formed of charcoal and smoke.* [7] ‘Его запах – жаркое небо, рассветное и закатное, темный вечерний лес, яркий взгляд, дымчато-угольное оперение, – и подходит тебе!’ [8]

(11) *What appealed to him about it was not so much its beauty as the air it seemed to possess of belonging to an age quite different from the present one.* ‘Соблазнила его не столько красота вещи, сколько аромат века, совсем не похожего на нынешний’. (George Orwell. *Nineteen Eighty-Four* (1949) | Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989))

(12) *A smell like burning metal rises from the tiny black letters.* [7] ‘Запах чего-то вроде горящего металла поднимается от крошечных черных букв’. [8]

(13) *Shatter of brown glass, fizz of foam, the fermented yellow odor of it spreading over the street, turning the ground dark.* [7] ‘Осколки коричневого стекла, шипение пены, желтая влага впитывается в землю, запах брожения плывет по улице’. [8]

Сложно себе представить выражение «ферментированный желтый запах» в русском языке, и переводчик использует прием лексического добавления, преобразуя английское предложение.

(14) В машине стоял устойчивый субтропический аромат контрабанды. *‘The air in the car was heavy with the persistent subtropical scent of illegally transported fruit.’* (Фазиль Искандер. *Должники* (1968) | Fazil Iskander. *Borrowers* (Robert Daglish, K.M. Cook-Horjuj, 1972–1989))

Здесь переводчик, наоборот, прибегает к конкретизации, расширяя значение до «нелегально транспортируемые фрукты». Возможно, расчет делался на то, что «субтропический аромат контрабанды» должен навести на «фрукты».

Также кажется странной попытка подбора непривычной для русскоязычного читателя специальной лексики для художественного произведения:

(15) *he felt the grapefruit fragrance of her neck.* ‘он почувствовал помпимусовый аромат ее шеи’. (Vladimir Nabokov. *Invitation of a Beheading* (1957) | Владимир Набоков. Пнин (Г. Барабтарло, Вера Набокова, 1983))

Отдельно хотелось бы отметить необычное описание либо непривычную сочетаемость слов.

(16) *Garment factories smelling of starch and sweat and immigration raids.* [7] ‘Фабрики одежды, распространяющие запах крахмала, пота и беженцев’. [8]

(17) *Their thoughts give off the smell of parched earth in a year of failed monsoons.* [7] ‘Их мысли отдают запахом опаленной земли, когда долго не было дождей’. [8]

Из рассмотренных примеров видно, что перевод ольфакторной лексики является сложной задачей, поскольку трудно воссоздать необходимое описание без обладания опытом восприятия конкретного запаха. Обычно переводчики прибегают к дословному переводу, что в свою очередь, опираясь на принцип отстранения, наделяет текст экзотичностью и привносит культурно-национальный колорит. Таким образом видно, что ольфакторная лексика прекрасно выполняет функцию отстранения, а также передачи субъективного, авторского восприятия мира. С другой стороны, данный подход имеет опасность в виде коннотативного и ассоциативного считывания информации. Запахи, как известно, имеют тесную связь с эмоциями и культурным аспектом. Не теряет ли читатель при таком отстранении часть наложенного на текст смысла?

С другой стороны, ольфакторные описания могут быть сложными и порой даже чуждыми для реципиента той же культуры.

(18) *поселок пустел, огороды заполнялись, словно жители, чувствуя запах танковой солярки, запах войны и беды.* ‘the village was emptying, the garden plots filling up, as if the residents had smelled the diesel fuel of the tanks, the smell of war and disaster’. (Сергей Лебедев. *Предельная забывчивость* (2010) | Sergei Lebedev. *Oblivion* (Antonina W. Bouis, 2016))

(19) *там возникал запах окалины от утюга, в который подсыпали угля из печи, запахи простого мыла, ребристой стиральной доски, проточной воды и деревянного валька.* ‘there was the smell that a hot iron gives off when it's filled with coal, the smell of plain soap, the ribbed washboard, running water and wooden mangle’. (Сергей Лебедев. *Предельная забывчивость* (2010) | Sergei Lebedev. *Oblivion* (Antonina W. Bouis, 2016))

Из выше приведенных примеров видно, что англо-говорящие переводчики также стремятся как можно точнее передать другую культуру, не избегая конкретики. Все это позволяет предположить, что ценность ольфакторного кода в художественном произведении заключается не в знании или способности представить конкретный аромат, а в возможности вызова ассоциаций и воздействие на силу воображения читателя.

Основная задача переводчика – не просто погрузиться в культурный контекст, но постараться ассоциативным путем «почувствовать» запах, чтобы потом при помощи средств выразительности своего языка «воспроизвести» аромат в тексте. Для этого при переводе чаще отдается предпочтение конкретизации, дословному переводу в случаях отсутствия эквивалентов. При наличии нескольких вариантов перевода, предпочтение отдается тому, который наиболее полно воссоздает и передает незнакомую культуру или эпоху.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нестерова Н. М. Переводческий дуализм, или философия межтекстовых отношений в переводе // *Komunikacja miedzykulturowa w swietle wspolczesnej translatologii*. 2014. Т. 1. С. 119–133.
2. Папулова Ю. К. Поэтический перевод: степень первичности и вторичности // *Komunikacja miedzykulturowa w swietle wspolczesnej translatologii*. 2014. Т. 1. С. 133–147.
3. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода. URL: <http://culturolog.ru/content/view/2972/95/> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Эко, У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе / пер. с итал. и пр. А. Коваля. Санкт-Петербург : Symposium, 2006 (СПб. : Печатный двор им. А. М. Горького). 568, [4] с.
5. Ароматы и запахи в культуре / ред. О. Б. Вайнштейн. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/?ysclid=lf3galbygh382702373> (дата обращения: 10.09.2023).
7. Divakaruni С. В. *Mistress of Spices*. United States: Doubleday, 1997. 317 p.
8. Дивакаруни Ч. Б. *Принцесса специй* / пер. Е. А. Ванюшина. М.: Мир книги, 2007. 316 с.